

Шрамко Олег

ДАЧНАЯ АМНИСТИЯ

РАССКАЗЫ

Олег Шрамко

Дачная амнистия. Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шрамко О. Г.

Дачная амнистия. Рассказы / О. Г. Шрамко — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

По статистике каждый третий человек имеет если не дачу, то садовый участок. Выращивание урожая или просто отдых на природе не всегда происходят безмятежно. Иногда возникают ситуации, которые не вписываются в рамки здравого смысла...

Содержание

ДАЧНАЯ АМНИСТИЯ	5
ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ СВЕКЛЕ	14
АСТРОЛОГИЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

ДАЧНАЯ АМНИСТИЯ

Солнце ворвалось в дом с неожиданностью налогового инспектора.

«Ну, что, голубчик! Зачем же обо мне забывать?»

За безмятежные ночные грезы пришла расплата в виде дневных забот и проблем. Возвращение к реальности всегда процесс мучительный, который хочется отсрочить, например, с помощью подушки на голову.

Или сунуть голову под одеяло. Но там душно, да еще чем-то пахнет.

Поэтому лучше прикрыть глаза рукой.

Удалось даже слегка всхрапнуть, но тут рука сползла с лица и больно упала на край кровати.

Сон моментально улетучился.

Михалыч, отставной военный, разом открыл глаза и с ненавистью уставился в потолок.

«А я-то причем?» – Сказал потолок и кивнул на окно.

«Закрывать на ночь надо!» – Ответило окно. – Как будто мне интересно всю ночь створкой биться об стену!»

Стена промолчала. У нее был заготовлен ответ насчет того, кому и чем надо об нее побиться, но она благоразумно решила промолчать.

Хотя, собственно, чего на жизнь обижаться? Проснулся – уже хорошо.

Михалыч скосил вниз глазами.

Тем более, без номерка на ноге...

Михалыч вздохнул и неторопливо встал. Кряхтя и пошатываясь, он вышел во двор. Сегодня по плану было окучивание картошки. Работа предстояла долгая, нудная и малоинтересная.

Уже чирикали птички, утренний ветерок шевелил листочками – природа радовалась жизни.

Идиллическую картину прервали странные звуки.

За соседским забором кто-то рыкнул, послышался звук низвергающейся воды, потом снова рычание.

Через короткую паузу снова раздался небольшого, но мощного водопада.

«Аки лев в пустыне рыкающий» – Михалыч перекрестился.

– Вот же, зараза! – Послышался за забором слабый сдавленный голос. – Опять водку паленую подсунули!

Далее пошли непечатные выражения, иногда прерываемые физиологическими звуками.

На соседний участок приехал Вовчик. Собственно, как его зовут на самом деле, не знал никто. Вовчик отзывался на любое имя. Вернее сказать, не отзывался совсем. Потому что, до начала процесса его не видели, а после завершения процесса он уже не мог дать название своей личности.

Сосед приезжал из Москвы поздно вечером в пятницу, продираясь через пробки и загруженную трассу. По мере приближения к даче, спину начинал приятно холодить воздух свободы, а лобовое стекло постепенно превращалось в плещущийся стакан, уровень которого повышался по мере приближения к месту назначения. Когда Вовчик, наконец, приезжал, он даже не удосуживался загнать машину на участок. Ни слова не говоря, тем более, не совершая лишних движений, без суеты открывал бутылку водки и медленно ее выпивал, не отрываясь от горлышка.

Раньше в садах и скверах повсюду стояли скульптуры. После женщины с веслом, будоражащей незрелый детский ум, запомнился горнист. Он дул в свою дудку и смотрел в беско-

нечное небо. Словно пытался дикими звуками провозгласить небесным жителям приближение мировой революции. Потом горнист еще некоторое время грустно ожидал ответа. Не дождав-шись, начинал медленно падать. Как в замедленном фильме. Грациозно, как Колосс Родосский. Или Вавилонская башня. Для не очень знакомых с историческими легендами можно привести другое сравнение: как здание, сносимое управляемым взрывом.

Он падал плашмя, широко расставив руки. Поднималась туча пыли, а матушка-земля еще некоторое время подрагивала, отзываясь сейсмодатчиками на южных Курилах. И тогда тамошние ученые начинали долго спорить о природе локальных землетрясений, стараясь пере-кричать друг друга прокуренными глотками и хватая оппонентов за отвороты толстых вязаных свитеров.

Даже заключительный эпизод военного фильма с расстрелом красноармейцев не мог выглядеть более правдоподобно.

А утром он пугал газон дикими звуками. Горе было тем муравьям, букашкам и таракаш-кам, которые оказывались в то время и на том месте. Хотя насекомые, проявив неожиданные интеллектуальные способности, уже знали привычки Вовчика и старались обходить предсто-ящее место событий.

Так повторялось с точностью и аккуратностью швейцарских часов.

Однажды Михалыч робко намекнул, что, мол, может стоит уменьшить количество потребляемого за один раз? Да к тому же без закуски? В крайнем случае, изменить что-то в самом механизме процесса, именуемого отдыхом ?

Вопрос произвел на Вовчика оглушающее действие. Он недоуменно расширил глаза, выдавил скупую мужскую слезу и, прерывающимся голосом, задетый за святое, выдавил:

– А зачем?!..

Михалыч уже ушел, а Вовчик еще долго еще стоял в одиночестве, разводя руками.

– А как еще?.. Что же тогда?..

Он в прострации озирает безумным взглядом окружающий мир, призывая флору и фауну быть свидетелем кошунства.

Михалыч еще раз потянулся и взглянул на грядки с клубникой. Опять половину уро-жая склевали птицы. Как-то он сделал пугало. Получилось очень реалистично. Пугало махало руками и издавало всякие звуки. Домочадцы даже боялись ночью выходить в туалет. Но потом пугало исчез. Говорят, видели с таджиками. Ходил по дачным участкам и спрашивал работу.

Сосед слева, несмотря на такое раннее утро, уже всюю жужжал шуруповертом. Жена держала профлист высотой под два метра, а муж прикручивал его к стальным поперечинам. Всегда меланхоличные и неторопливые соседи вдруг загорелись энтузиазмом и энергией. Все началось с того, что однажды что они решили воспользоваться услугами почты и заказали семена сельдерея. У таких же, как и они огородников. На картинке в журнале «Моя любимая дача» семена были продолговатыми и зелеными. А в конверте пришли маленькие и круглые. Видимо, на почте что-то перепутали. Отправив пару проклятий по поводу должностных лиц, соседи все-таки решили посадить на пробу.

Через некоторое время садоводы-мичуринцы начали хихикать, перемигиваться и поти-рать руки.

Михалыч подозревал, что выросло нечто прибыльное, хотя и не совсем незаконное.

С того времени соседи стали судорожно возводили забор. Причем, скорости его возве-дения могли бы позавидовать строители Великой китайской стены.

Михалыч порадовался за их спорую работу и пошел в сарай за тяпкой.

Но его снова отвлекли.

– Привет, сосед! Уже, вижу, проснулся!

В калитку просунулась лохматая грязная голова. Пришел Дачная амнистия. Он ходил ко всем с утра, в надежде поправить здоровье.

Михалыч вздохнул. Теперь он будет болтать до тех пор, пока у собеседника не проснется соображаловка.

Дачная амнистия жил на участке круглый год. Он был сторонником здорового образа жизни и экологически чистых продуктов, поэтому разводил коз, кур и кроликов, а также экологически чистый самогон. На огороде выращивал картофель и другие овощи, чтобы прожить зиму. Иногда предлагал соседям продукцию своего хозяйства, например, козье молоко и сыр. Но у него никто не брал, потому что от сыра плохо пахло. Трудно сказать, где была нарушена технология. Но когда Дачная амнистия отламывал кусочки сыра и всем заискивающе предлагал попробовать хоть кусочек, люди почему-то отказывались.

Чаще всего ссылались на аллергию.

Близость к природе, и особенно чистый воздух негативно повлияли на рассудочную деятельность. Когда-то он услышал про дачную амнистию. Новость гипертрофировалась в его мозгу и постепенно трансформировалась во всепрощение грехов. Причем, только дачникам. Концепция переросла мелкий уровень землеустройства и эволюционировала в вопросы глубоко религиозные и нравственные.

«Нас, дачников, – говорил он, – нужно отнести к спасителям человечества. Мы – результат развития цивилизации. Итог, так сказать, всего хода истории. Освоение Космоса – ерунда по сравнению с освоением той же самой целины под грядку с помидорами! И нечего паяться в свои телескопы за бюджетные деньги! Только здесь, на садовом участке можно обрести подлинное ощущение пространства и времени! Мы создаем экологически чистые продукты, которые сами же и потребляем. Тем самым поддерживая генофонд населения на должном качественном уровне»...

В этом месте слушатели обычно прерывали монолог и начинали под разными углами вертеть понятием генофонда. В конце концов переводя возвышенную беседу в плоскость похабщины и примитивизма. Но Дачная Амнистия был выше всего этого.

«Почему рушились прежние империи? – продолжал он. – Потому что всем навязывали ложные идеи о предназначении человека. А он по своей натуре индивидуалист. И просто хочет видеть результаты своего труда. А потом и распоряжаться ими по своему усмотрению. Да нам нужно все налоги отменить! Все задолженности и взносы! Полная амнистия! Мало того – каждому доплачивать! Потому что некоторые в выходные по музеям шатаются, выставочным залам, извините за выражение, библиотекам! Интеллектуальный уровень, видите ли, повышают, паразиты! А мы сюда – на грядочку свою родимую. Кто с лопатой, кто с граблями. Посмотреть приятно! Нам всем памятники надо ставить! Перед каждым участком. С морковкой в руках!»...

При этом народ снова отклонялся от темы. Шли предложения поставить памятник Дачной амнистии. А местоположение вышеупомянутой морковки оживляло воображение и будило фантазию.

Вообще-то он был человеком беззлобным. Правда, если ударялся в проповедничество, его уже ничем нельзя было остановить. Забывал про все. В том числе и про свою родимую грядочку.

Но в этот раз был настроен по-деловому.

– Слышь, что я сейчас скажу, – вздохнул начал он.

– Ну?

– Председатель-то наш неиспользуемую землю инопланетянам продал!

– Продав, так продал! Было бы чего! Все равно она ничейная.

– Так он же обещал с нами поделиться! Мы члены правления или кто?

Михалыч почесал в затылке.

– Обещал поделиться?

– Обещал, обещал! – Закивал головой Дачная амнистия в нервном возбуждении.

– Ну, если обещал, надо разбираться.

– А я для чего пришел? Пошли!

Михалыч подтянул сползающее трико.

– Может, Профессора захватим? Для солидности. Он ведь тоже членом правления состоит.

Дачная амнистия изобразил гримасу сомнения, когда прикинул, что доля каждого уменьшится, но потом согласился:

– Разве что для солидности.

По дороге к участку председателя зашли к Профессору.

Трудно сказать, профессором каких наук он был. Никогда об этом не говорил, при этом давая понять, что – очень важных. На вопросы отвечал не сразу, а только после прикладывания руки ко лбу, изображая Роденовского Мыслителя.

Говорят, у него неплохо складывалась карьера. И даже была семья. Но, получив участок, он вдруг открыл у себя талант строителя. Все началось с того, что возникла потребность в лавочке. Обычной деревянной лавочке у входа, на которой можно было бы сидеть и плевать семечки. Но не покупать же ее за бешеные деньги на рынке? Пришлось делать самому. Лавочка получилась на славу. Во всяком случае, так нашептал демон-искуситель. То, что она совершенно не была приспособлена для своей основной функции – сидения, не имело никакого значения. Резные узоры напоминали хохлому, а таинственные изгибы деревянной конструкции – индийские тантрические изображения. Потом он разрисовал ее цветами из эдемского сада, а когда отполировал лаком высшего качества, казалось, само солнце оконфузилось со своей жалкой радугой! Тут уже и сама мысль о сидении казалась глубоко кошунственной. Вы же не попросите Джоконду прибраться в офисе?..

Демон-искуситель сделал свое черное дело. После такого столярно-архитектурного изыска, остатки мозгов сдуло сразу и окончательно. Остатки выведены на околоземную орбиту и растворены в бескрайних просторах Вселенной. Профессор выпал из общественной жизни, забросил науку, а следом рухнула и личная жизнь. Жена, пытаясь спасти семью, съездила пару раз на выходные с ночевкой, покормила комаров, упала в выгребную яму и решительно заявила: или я – или дача! Отвечать Профессору не пришлось. Ответ уже был написан в его счастливых, но слегка затуманенных глазах.

С тех пор Профессор оказался предоставлен самому себе. Чистый воздух свободы основательно вошел в его сердце. Все свои средства и сбережения теперь он тратил на закупку инструментов, приспособлений и станков. Он шатался по всем выставкам строительной техники, а в магазине «Инструменты для дома» его начали бояться продавцы. Потому что задавал такие вопросы и вникал в такие детали, от которых сами разработчики чувствовали себя дураками. После короткой дискуссии, они начинали пускать из носа пузыри и чертить на песке большим пальцем ноги неприличные фигуры.

Но не всегда количество переходит в качество. В данном случае почему-то все произошло наоборот. И если без инструментов могла получиться просто дрянь, то с помощью хитрых приспособлений выходило чистое извращение. Вот и сейчас они застали Профессора перед очередным сооружением.

Михалыч и Дачная амнистия остановились, словно столкнувшись с препятствием.

– Это что? – Испуганно спросил Михалыч.

Профессор отошел от своего архитектурного сооружения, как отходит художник, созерцающий картину.

– Баня! – Веско сказал он.

Возникла некоторая пауза.

– Баня?

Профессор посмотрел на них, как на придурков.

– Да, баня.

– И в ней, типа того, мыться можно? – С сомнением спросил Дачная амнистия.

– И даже париться! – Нежно ответил Профессор.

Установилась напряженная тишина.

– А что, не нравится? – Вдруг с вызовом спросил Профессор. Его ноздри стали раздуваться, как у быка во время корриды.

Созерцатели закивали головами со скоростью челнока швейной машинки. Как возразишь человеку, у которого в руке стамеска? Да и бензопила рядом лежит!

Профессор был человеком мирным. До той поры, пока ему не перечили.

– Мы чего пришли, – телеграфным стилем выдал информацию Дачная амнистия. – Председатель землю продал. Ничейную. Инопланетянам. А с нами не поделился. А мы члены правления. Хотя обещал. Беспредел, понимаешь!

– Непорядок, – опять переключившись на свои мысли, задушевно согласился Профессор. – Надо разбираться. Мне как раз деревообрабатывающий станок обещали подвезти.

Он мечтательно закатил глаза.

– Три фазы, 380 вольт, изменяющийся угол подачи досок, сменные диски... О-о!.. Пригодность для вырезания пазов... Три скорости вращения... О-о-о!..

Постепенно его глаза начали туманиться, как у маньяка.

Поняв, что его надо останавливать, Дачная амнистия подергал Профессора за рукав, выводя из состояния каталепсии.

– Потом доскажешь! Сначала деньги надо добыть.

Профессор уже поднес руку ко лбу, но Михалыч его одернул.

– Время не ждет. Мне еще картошку окучивать надо!

И они дружно двинулись к участку председателя.

Застали они его за увлекательным занятием: пересчитыванием чего-то в ящике стола.

Увидев входящих, он резко захлопнул ящик, и расплылся в невинной улыбке херувима.

– А чего это вы в такую рань? А?

Члены правления молча смотрели на него, обдумывая, с чего начать.

– А чего это вы? – Улыбка председателя стала еще чище и лучезарнее.

Профессор по привычке приложил руку ко лбу.

Дачная амнистия засопел, подбирая слова для выражения возмущения. Михалыч подтянул трико.

– Я смотрю, в такую рань, такую рань, – улыбка председателя стала еще шире, заполнила все лицо и уползла куда-то к шее, нарушая законы физиологии.

Профессор, наконец, нашел нужную мысль и интеллигентно сказал:

– Так ты это, сморчок хренов, общественные деньги решил занюхать?

– Какие деньги! – Всплеснул руками председатель. – О чем вы?

– Да все знают, как ты участки продал! – Помахал кулаком Дачная амнистия. – И нам не слова! Паскуда!

– Ага, инопланетянам, – кивнул головой Михалыч.

– Не знаю, о чем вы? Кто такие слухи распускает? Да я хоть чем поклясться могу!

С обиженным и возмущенным видом он начал перебирать какие-то бумаги, изображая внезапно навалившиеся дела.

– Можете у кого угодно спросить! Деньги, видите ли...

Широкая улыбка в один миг уступила место скорбной гримасе, и председатель смахнул набежавшую слезу.

– Я, понимаете ли, день и ночь, день и ночь... Не жалея своих сил! Все для людей... Все для людей!..

Он приоткрыл ящик стола, посмотрел вглубь и тут же закрыл.

- Все здоровье на этой должности потерял! Как...
- Он на секунду задумался, подбирая сравнение.
- Как ... Прометей, понимаете ли! Как...
- Он снова задумался.
- Рыцарь этот?.. Все забываю...
- Робинзон Крузо? – Подсказал Профессор.
- Председатель с сомнением покачал головой.
- Да нет, вроде как бы по-другому звали. Но все равно!..
- И председатель изобразил вид скорбный и удрученный.
- А пойдем у них самих спросим! – Предложил Михалыч.
- Пойдем! Мне скрывать нечего!

Председатель встал, предварительно закрыв ящик стола на ключ, затем подергал его для надежности.

Когда вся компания, продравшись сквозь заросли кустарника, вышла к заброшенным участкам, они увидели двух инопланетян. Те сидели на дереве и играли на флейте. О том, что это была флейта, Михалыч понял сразу: по телевизору как-то показывали Растроповича.

Компания остановилась в нерешительности. Инопланетяне продолжали играть, не обращая на них внимания.

- Моцарт, – сказал Дачная амнистия.
- Моцарт? В четверг? – С сомнением покачал головой Профессор.
- Вивальди! – Определил Михалыч. – Времена года.
- Согласен, – кивнул головой Профессор. – Лето.
- Середина июля, – уточнил Михалыч.
- Восемь часов утра, – вставил Дачная амнистия.
- Уже девять, – посмотрел на часы председатель.

Михалыч кашлянул.

- Я извиняюсь, граждане, нам бы насчет денег уточнить.

Инопланетяне перестали играть и захлопали черными большими глазами. Потом один из них показал им неприличный жест.

- Ну, я же говорил, – тут же засуетился радостный председатель. – Вот и консенсус!
- Чего? – Спросил Дачная амнистия, с надеждой запомнить красивое слово.
- Вы нам лапшу не впаривайте, сволочи инопланетные! Интеллигентно, но очень угрожающе заявил Профессор. Он почувствовал, что ускользает его мечта в три фазы и регулируемым углом подачи доски. – Я и сам могу пальцы крутить!

Он поднял с земли палку и с решительным видом двинулся к инопланетянам.

– Может, не стоит этого делать? – Неуверенно, с остатками благоразумия спросил председатель.

Но было уже поздно.

...Бежали они сквозь кусты, не особенно разбирая дороги. Впереди мчался председатель, потерявший, по его словам, все здоровье на этой должности.

Замыкающим бежал Михалыч, подтягивая летающее трико.

Профессор с Дачной амнистией поддерживали друг друга, спотыкаясь и падая.

Отбежав приличное расстояние, они остановились, переводя дыхание.

– А еще гуманоиды, называется, – Профессор грязно выругался. – Сказали бы по человечески! Зачем же сразу своими флейтами махать...

- И все по голове! – Поддержал Дачная амнистия, потирая ушибленные места.

Помолчали.

Со свистом, рассекая воздух, пролетела палка.

Профессор пригнулся.

Палка ударилась о дерево и отскочила к их ногам.

Они молча посмотрели на нее.

– Ну, я пошел? – Сказал председатель. – Должность, знаете, обяывает. Дела!

И уверенной походкой зашагал к своему участку. По дороге возмущенно разводил руками и вопрошал куда-то в небо.

– Деньги!.. Какие деньги? Это же надо такое придумать! Совсем люди совесть потеряли!

Голос постепенно затихал. Ему посмотрели вслед, вздохнули и неторопливо стали расходиться по своим делам.

После обеда Михалыч, сожалея о неразумно растроченном времени, решил наверстать упущенное и все-таки окучить картошку.

Он взял тяпку побольше и энергично принялся за работу.

Но солнце уже стояло в зените, голову напекло, он потерял сознание и упал прямо в борозду.

Когда пришел в себя, снова взял в руки инструмент.

К сожалению, солнце продолжало стоять высоко, и он опять потерял сознание.

Однако Михалыч был не из тех, кто отступает после первых трудностей.

Тем более, картошка создавала внизу кое-какую тень.

Прошелся с тяпкой несколько метров и снова упал.

Пришел в себя и стал работать.

Потом упал.

И так – с неумолимой периодичностью.

Соседи, которые возводили забор, бросили свое занятие и стали наблюдать за циклическим процессом.

– Странный метод агротехники, – сказал один из них. – Но что-то в этом есть.

– Слышь, сосед! – Прокричала супруга. – А ты не пробовал, когда уже внизу, одновременно и пропальывать?

Михалыч запустил в них тяпкой, и радостные лица скрылись за недостроенным забором.

День сегодня явно не заладился.

Тогда он решил заняться баней. Тем более, накануне поставил электрическую печь и все ждал удобного случая, чтобы опробовать.

Печь, повторяю, была электрическая. Кто в теме, сразу поймет несравненные преимущества. Для нее не нужны дрова и сопровождающие их вечные проблемы с пилкой, колкой, сажей и грязью. Все чисто и просто. Включил, нагрел – и мойся, сколько хочешь. Так, во всяком случае, утверждал поставщик. И так писалось в инструкции. Сначала на казахском, потом на узбекском и потом на русском языке мелким шрифтом. Со множеством грамматических и орфографических ошибок. Были, конечно, сомнения, выдержат ли пакетники, но общительный и словоохотливый продавец заверил, что можно подключать хоть атомную электростанцию: выдержит любая проводка!

Не выдержала. Причем, в самый неподходящий момент.

А именно когда Михалыч начал поддавать пару и уже стал хлестать себя веником.

Где-то сухо щелкнуло и в бане погасло освещение. Печка, испустив протяжный писк, начала остывать со скоростью наступающего ледникового периода.

Михалыч чертыхнулся и выглянул в оконце.

До столба, где находился счетчик с предохранителями, было недалеко: метров пятьдесят. И проблем не было их снова включить.

Но это для одетого человека. А когда уже начал париться, не одеваться же снова?

Немного пособиравшись с мыслями, Михалыч взял простыню, закутался в нее, как римский патриций, и, крадучись, вышел из помещения.

Осторожно перепрыгивая между кустами смородины, он уже почти подбежал к столбу, как сзади услышал шум работающего перфоратора.

Проклятые соседи после обеда снова принялись за работу.

С ловкостью вьетнамского партизана Михалыч бросился в кусты и притаился.

Надо подождать, когда перейдут на другую сторону, решил он.

Но соседи продолжали топтаться на одном месте.

А тут еще эти проклятые муравьи... Пользуясь его беспомощностью, они решили взять реванш за те инсинуации с хлорофосом, которые Михалыч устроил им на прошлой неделе.

«Ну, собаки, всех выведу!» – путая видовую принадлежность, прошипел он про себя.

Куда-то спешила по своим делам божья коровка. Но увидела голого человека в простыне, остановилась и замерла от удивления.

На микроскопической черной мордочке явственно можно было увидеть сначала недоумение, потом восторг.

Михалыч согнул палец и щелчком запустил божью коровку на околоземную орбиту.

На проводах захохотали ласточки.

А потом прилетели комары. Странно, днем же их обычно не бывает! Видимо, сообщил кто-то из местных.

Лежать стало невмоготу. Он уже собрался встать и изобразить типа: «Привет! Вот и я! Хэллоуин!..» или что-то в этом роде, как соседи, наконец, перешли на другое место.

Михалыч осторожно встал и только собрался подбежать к столбу, как сзади раздался грохот падающего профлиста.

Михалыч с коротким визгом снова юркнул в свое убежище.

Пока соседи между собой выясняли, кто из них «раззява», Михалыч решил поменять дислокацию и перебрался за сливу. Ствол дерева был довольно толстый и позволял стоять незамеченным.

Если бы не острые сучки!

В результате чего простынь и порвалась.

Подняв разорванный лоскут, он покрутил его в руках с мыслью, куда бы засунуть.

Сзади раздалось аплодисменты, крики восторга и советы по его применению.

Михалыч резко обернулся. Он совсем забыл про дачу на смежном участке. И про то, что хозяева во второй половине дня обычно собирались на мансарде пить чай.

Не найдя ничего лучшего сказать в свое оправдание, он произнес первое, что пришло в голову.

– А я, может, нетрадиционной ориентации!

Хотя, спроси его, причем здесь ориентация, он бы вряд ли ответил.

Затем, уже не скрываясь, с невозмутимой гордостью Аполлона, перебросил простыню через плечо, подошел к столбу и щелкнул пакетниками.

Так же, с высоко поднятой головой вернулся в баню.

Но настроение было уже испорчено. Тем более, что пакетники опять вырубались.

Решив завтра с утра разобраться с продавцом, Михалыч пошел домой.

Но отдохнуть не удалось.

Приближался вечер, и на горизонте снова замаячил Дачная амнистия.

– Ну, ты что, Михалыч? Тебя все ждут! Пошли, инопланетяне проставляются!

Михалыч показал на правый бок, где у всех людей обычно располагается печень.

– У вас совесть есть? Все здоровье уже потерял! Будет ли у вас хоть какая суббота без пьянки? Я картошку окучить не могу!..

– Какая картошка, Михалыч! – Дачная амнистия захлопал глазами чистыми, как у ребенка. – Там уже все собрались! Водка греется. Амнистия ведь!

Вечером, когда зажглись звезды, соседи, строившие забор, затянули песню: «Сама садик я садила, сама буду поливать!...»

При этом перемигивались и хихикали.

Профессор пытался показать инопланетянам, где Большая Медведица, а председатель всех хватал за руки и доказывал, какая у него сложная и ответственная должность. При этом, по логике вещей, гримасу надо было бы изобразить если не скорбную, то хотя бы удрученную. Но тумблер, видимо, переключился в другое положение, потому что председатель радостно хлопал себя по коленкам и громко хохотал.

Потом пошли плясать под Вивальди, а когда закончилось спиртное (а оно почему-то всегда заканчивалось в самом неожиданном месте) послали Дачную амнистию за экологически чистым продуктом в ближайшую деревню.

Один Вовчик сидел грустный. Он думал о том, что через день ему опять возвращаться в Москву.

А Михалыч думал, что, может быть, завтра он все же окучит свою картошку.

ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ СВЕКЛЕ

Мир, конечно, прекрасен. Если в нем не пропадает свекла.

Михалыч посадил ее просто так. Раньше он ее совсем не ел. Просто на дух не выносил. Воротило от одного запаха. Но семена ему предложил Дачная амнистия, и он решил посадить на пробу. Свекла, как ни странно, уродилась такая, что дедушка Мичурин заплакал бы от зависти, оставил свое образцовое коммунистическое хозяйство и возглавил белую эмиграцию. Огромные зеленые стебли как лопухи качались над землей, обещая невиданный урожай. Это был фурор сельскохозяйственного искусства!

Михалыч пока ее не подкапывал в ожидании, что вырастет еще больше. Странно, больше ничего на огороде не уродилось. Только злополучная свекла. Мало того, соседние грядки постепенно желтели и чахли. Деревья стали засыхать, а над участком перестали летать мухи. Листья же свеклы становились все зеленее и мясистее.

И вот теперь количество урожая стало сокращаться каждую ночь.

Сначала Михалыч подумал, что ему показалось. Но точный подсчет зеленых листьев подтвердил, что процесс идет неуклонно и прямолинейно с уверенностью железнодорожного локомотива.

Он решил посторожить, чтобы поймать злоумышленника. Но в первую же ночь заснул сном младенца.

Перед второй ночью напился кофе.

Потом заснул сном младенца, которого напоили кофе.

В третью ночь он выпил еще больше кофе и снова заснул. Но, поскольку кофе обладает мочегонным действием, результат оказался таким, как бывает у младенца, которого напоили кофе, но вовремя не разбудили, чтобы сходить «по-маленькому».

Тогда он поставил видеозаписывающую аппаратуру, и это была единственная ночь, когда не украли свеклу.

Украли записывающую аппаратуру.

Михалыч решил пойти по следу злоумышленника, исходя из принципа «кому выгодно».

В данном случае выходило, что выгодно только Дачной амнистии.

– Точно, для своих коз ворует! – Решил Михалыч и пошел разбираться.

Еще подходя к участку своего соседа, Михалыч стал зажимать нос. Несусветная вонь увеличивалась в прямо пропорциональной зависимости по мере приближения к дому Дачной амнистии.

– У бебя бто-то умер? – Спросил Михалыч, зажимая нос и стараясь не упасть в обморок.

– С чего ты взял?

Дачная амнистия выглядел веселым и активным. Он дышал полной грудью и что-то перекладывал из кастрюли в кастрюлю.

– Видишь, сыр делаю. Козий.

– А запах? – Михалыч позеленел и схватился за живот. Сегодня он обедал, видимо, напрасно.

– Холодильник испортился! – Радостно сказал Амнистия. – Но это даже ничего! Пикантный привкус получился. Хочешь попробовать?

– Нет!!! – Закричал Михалыч и отбежал к противоположному концу участка. Здесь была наветренная сторона, и переносилось легче.

Дачная амнистия вытер руки об передник, вследствие чего передник стал зеленым и блестящим.

– Я по делу, – сказал Михалыч. – Свекла у меня пропадает. Ты, случайно, для своих коз ее не тащишь?

– Да ты что, сосед! – Дачная амнистия развел руками. – Все же знают, что козы свеклу не едят.

– Не знаю, что едят твои козы. Судя по запаху сыра, они пропитание ищут канализационных коллекторах. Только свекла у меня пропадает каждую ночь.

Дачная амнистия почесал в затылке.

– Надо подумать, кто это может быть.

Он сел на поваленное дерево и принял глубокомысленную позу.

– А ты точно сыра не хочешь?.. Странно!.. – Удивился он. – Ну, хорошо, хорошо! Я же не заставляю!.. Итак, давай рассуждать логически. Профессор исключается. Он недавно прочитал, что вегетарианство сильно вредит организму. Оказывается, все болезни от растительной пищи. Теперь питается только мясом. Скоро мимо его участка станет страшно проходить. Суший вурдалак становится. Председатель?.. Вряд ли! Уже месяц как в запое. Как сдали ему членские взносы, так и подкосило бедолагу.

Он поднял голову на Михалыча.

– Что ты все время мелькаешь? На месте постоять не можешь?

– Да так, – ответил Михалыч, который периодически менял свое местоположение в зависимости от направления ветра. – Геморрой замучил.

– У меня есть хороший рецепт. Берешь свеклу... Ах, да, извини. Для тебя эта тема болезненная!

– Ты думай! Не отвлекайся.

Михалыч периодически делал отгоняющие пассы возле лица, как это делают сидящие у костра, когда кажется, что куда бы ты ни сел, весь дым все равно идет на тебя.

– Есть! – Дачная амнистия хлопнул себя по голове. – Я понял, кто это может быть!

– И кто?

Дачная амнистия хитро прищурился.

– Фиолетовое создание!

– Кто? – Удивленно спросил Михалыч. – Тебе что, козий сыр в голову ударил?

– Ну, это я так образно обозвал. Помнишь, ту дачницу, что на участок с томиком Пушкина приезжает? А по вечерам романсы поет? У меня козы потом доиться перестают!

– А ей – то зачем?

– Ты не понимаешь, – с видом знатока пояснил Дачная амнистия. – Всегда виноват тот, кто меньше всего вызывает подозрения. Детективы читать надо!

Михалыч задумался.

...На выходные из Москвы приезжало воздушное и эфемерное существо. В широкой ажурной шляпе и длинном платье оно напоминало чеховских дачниц. Под мышкой у нее всегда был томик поэтов серебряного века, а в руке – прозрачный зонтик. Она, конечно, меньше всего вызывала подозрения. Но представить, что эта возвышенная натура ночью таскает свеклу, а потом хрустит ею под покровом ночи, было затруднительно.

– А ты не ошибаешься? – С сомнением спросил Михалыч.

– Конечно, нет! А кому еще? Нет, ты мне скажи, кому еще?

Аргумент выглядел убедительным.

– Действительно, кому же еще? И что же делать?

Дачная амнистия почесал затылок.

– Сама она, конечно, не признается. Надо выведать.

– А как?

– Сам думай. Я тебе и так все разъяснил. Впрочем, некогда мне! Сыр пойду до кондиции доводить.

- То есть, это еще не кондиция? – Удивился Михалыч.
- Далеко нет. Когда будет готов, приглашу попробовать.
- Непременно!
- Вкус такой, что будешь еще долго вспоминать!
- Да я уже сейчас не могу забыть, когда наступит этот момент!
- Один запах чего стоит!..
- У меня просто мурашки по коже!

И они расстались.

Если честно, Михалыч давно уже хотел познакомиться с этим прелестным созданием. Женщины в его военной жизни, конечно, были. Целых две. Одна – повариха из солдатской столовой. У нее отсутствовали два передних зуба, короткие редкие волосы и слегка косил левый глаз, зато она смеялась над каждым анекдотом. С ней было просто и легко. Другая – заведующая гарнизонным продуктовым складом. С этой было сытно. Она вдоволь кормила Михалыча солдатской тушенкой из больших алюминиевых банок, и с тех пор при одном слове «тушенка» у Михалыча начинается что-то вроде аллергии.

Однако все это было не то. Не хватало в отношениях возвышенности, романтизма, какого-то томления души...

Поэтому он решил использовать повод и нанести визит прекрасной даме.

Собирался целый день. Костюм оказался несколько мал. Да и то сказать – последний раз он его надевал, когда еще лейтенантом собрался пригласить в кино дочку начальника штаба. Собственно, перед этим событием он и купил его в местном военоторговском магазине. Но начальник штаба откуда-то узнал, скорее всего, от продавщицы, и предусмотрительно отправил Михалыча на гауптвахту, а дочку – к бабушке в деревню. Так и висел костюмчик все эти годы в шкафу, покрываясь пылью и уменьшаясь в размерах. Последний факт был вообще из разряда загадочных. Периодически Михалыч его надевал, вспоминая безудержную молодость, при этом с удивлением замечая, что костюм становится с каждым разом все меньше и меньше.

Хотя, если погладить и не застегивать впереди, то вполне сойдет. Трудности оказались с обувью. Сначала брюки он попытался всунуть в сапоги. Прошелся по дому, оценивая себя со всех сторон.

Потом решил надеть навывпуск.

Снова прошелся.

Показалось хуже: при ходьбе брюки натягивались и затрудняли движение.

После некоторого раздумья решил вернуться к первому варианту.

Вместо дезодоранта воспользовался репеллентом от комаров.

Седые виски покрасил сажей из бани.

Зато зубы почистил не как всегда – рукавом, а использовал настоящий зубной порошок.

Завершила создание образа широкополая шляпа, которую племянник в свое время привез из Мексики.

Вид стал романтический, а легкая грусть в глазах довершила образ, придав ему загадочности и неотразимого мужского шарма.

Когда мачо вышел за ворота, воробьи перестали чирикать, а бездомный кот прыжками скрылся в ближайших кустах. Сам собой медленно и протяжно ударил колокол пожарной рынды.

Соседи прекратили работу и уставились в щель между заборами.

– Вот она какая: «Смерть дачника»!

– Суций Армагеддон!

Михалыч сделал вид, что он что-то ищет на земле, и радостные лица как ветром сдуло.

... Эфемерное создание сидело в шезлонге и водило пальчиком по строчкам.

Михалыч потоптался перед калиткой и кашлянул.

– Я это... Того... Иду мимо, дай, думаю...

Создание подняло на него томный взор.

– Неужели?... Что глаза мои видят? Кто стоит предо мной, в даль небесную мысль уводящий! Мой герой, чей образ во снах мне являлся и причиной служил моих ран опалających!..

Михалыч оглянулся.

– Именно ты, незнакомец мой призрачный! Блуждание мыслей моих ускоряющий!

Она понизила голос до контральто и медленно прорычала, изображая томление:

– И голос в ночи будоражащий!

– Это все я? – Удивился Михалыч. Он испугался, и уже было сделал несколько шагов назад, но дама вспорхнула с шезлонга, быстро догнала и стукнула по голове веером.

– Проказник!

Она захохотала.

Михалыч потер лоб.

– Прошу в дом! Правда, у меня немного не прибрано. Я же не знала, что день так сложится. Просто чудесно! Шарман! Монефик!

Зайдя в переднюю, Михалыч оторопел. Он никогда не видел такого количества кружевных занавесочек и салфеток. Сбоку стояла большая амфора, в которой еще древние греки, наверное, солили огурцы, а во всю стену висела огромная картина. Изображала она слонов на тонких ножках, которые шли по песчаному пляжу, а на переднем плане дергался человек с крыльями как у председательского петуха.

«Сальвадор Дали», – прочитал Михалыч.

Человек на картине пытался взлететь.

«Еще бы, – подумал Михалыч. – По песку далеко не убежишь».

– Ну, что же вы, проходите! Сейчас будем обедать. Как раз время подошло.

Михалыч задумался. Это же надо сапоги снимать? К этому он был не готов. Он хотя и стирал носки неделю назад, но все равно подозревал, что на эту минуту они далеко не Шанель.

– Пройдите, да не разувайтесь! У меня здесь все по-простому.

– Ну, если не разуваться, – успокоился Михалыч.

В мгновение ока на столе появились разнообразные яства в замысловатых коробочках и упаковках.

– Знакомые привозят, – пояснила хозяйка. – Из Чили. Люблю, я знаете, их местную кухню. Гораздо лучше, чем Парагвайскую. А вы какую предпочитаете?

– Я? – Оторопел Михалыч. – Скорее, больше местную. Особенно когда с чесноком.

– Великолепно! – Она всплеснула руками. – Да вы гурман! Прямо, эстет какой-то!

Михалыч слегка покраснел:

– Что вы! Нормальной ориентации...

– Сразу чувствуется, что у человека есть вкус. Кстати, меня зовут Элеонорой. Для друзей – просто Эльвира.

– А меня зовут Михалычем. – Сказал Михалыч. – Да и для друзей – то же самое.

– Оригинально! – Зашлась в восторге Элеонора-Эльвира. – Я вас буду звать – Михалович!

Как здорово: Михалович!..

Он хотел сказать, что в роду у него были все русские, но промолчал. Зачем обращать внимание на такие мелочи.

На столе появилась бутылка мартини.

– В честь нашего славного знакомства!

– Да я, собственно...

– Нет, нет! Не отказывайте, даме нельзя отказывать! А потом мы будем читать с вами стихи. Вы ведь любите стихи? Например, Блока.

Она встала, заломила руки за спину, подняла вверх подбородок:

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром, Москва, спаленная пожаром...

Здесь она на мгновение задумалась, очевидно, вспоминая слова, потом всплеснула руками и перевела томный взгляд на Михалыча.

– Ах, хотя, что же это я? В такой чудный день – и Блока? Нет, только Тургенева! В крайнем случае – Айвазовского!

Михалыч млеет. У него было ощущение как у альпиниста, взобравшегося на банальную горку, но обнаружившего, что это, оказывается, Олимп.

– Ну, наливайте же, наливайте даме!..

Михалыч деловито открыл бутылку, разлил содержимое по фужерам.

Выпили.

Напиток оказался приторно-сладким, но Михалыч привычно занюхал его хлебом.

Потом выпили еще раз.

Потом пошли разговоры о современном постмодернизме, во время которого Михалыч иногда кивал, проявляя знакомство с темой.

В свою очередь он упорно пытался подвести разговор к свекле, но Эльвира-Элеонора была далека от сельского хозяйства. С таким же успехом на эту тему можно было общаться с балериной.

По мере опустошения бутылки с мартини, беседа становилась все более легкой и непринужденной.

Этому способствовала жара и отсутствие хорошей закуски.

Единственное, он пересел к столу немного боком, чтобы не встречаться глазами с картиной. Казалось, на него сейчас выпрыгнут слоны. И вместе со страдальцем на переднем плане унесут в сюрреалистическую реальность, из которой уже нет возврата.

Теперь они разговаривали почти одновременно. Элеонора закатывала глаза и проповедовала о гармоничном развитии человечества. Михалыч доказывал, что урожай свеклы в этом году будет невиданным. А все благодаря погоде и современным методам агрохимии.

Линии их разговора двигались параллельными, независимыми прямыми и только один раз пересеклись, когда вдруг выяснилось, что Хемингуэй ел свеклу.

При этом оба сразу замолчали и уставились друг на друга.

Потом мартини закончился, и он сбегал за бутылкой самогона.

Он показал, как можно пить из консервных банок, как это делали в армии.

Она попробовала.

Это произвело фурор в ощущениях, и она зашлась здоровым непринужденным хохотом, разбрызгивая в разные стороны самогон и слюни.

Потом Михалыч начал травить пошлые армейские анекдоты, на что Элеонора расплакалась и стала жаловаться на одинокую бабскую жизнь. Она размазывала по лицу черную косметику, отчего стала гармонировать с картиной Сальвадора Дали. И даже в какой-то степени составлять с ней творческий ансамбль.

Потом Михалыч сбегал еще за одной. А когда, распуговив летучих мышей, с чувством проорали «Запрягайте, хлопцы, кони!..», неожиданно подкрался вечер.

Ну а потом все закончилось естественным и закономерным финалом.

Домой Михалыч возвращался под утро. На душе было как-то муторно. Вроде, все прошло нормально, но исчез флер таинственности и мечты. Словно альпинисту сказали, что Олимп – за следующей горкой. А здесь просто контора райпотребсоюза.

Он сел на крыльцо и закурил. Громко трещали цикады.

В кустах раздался шорох и появился Дачная амнистия.

– А я смотрю, ты сидишь. Тоже не спиться?

Он сел рядом.

– Слышь, Михалыч, я повиниться хочу. Это я свеклу у тебя тащил.

– Да? – Равнодушно спросил Михалыч.

– Только ты не переживай: не свекла она вовсе. Я тебе семена табака дал. Ты же знаешь, у меня каждый клочок земли для коз травой засеян. А без курева я – никуда. Ты не обижаешься?

– Нет, – ответил Михалыч.

– Вот и хорошо! – Обрадовался Дачная амнистия. – Только это... В «Моей прекрасной даче» написано, что потом на этом месте лет пять ничего расти не будет. Представляешь, зараза какая! Но нам же спешить некуда?

– Некуда. – Сказал Михалыч. – А ты вот знаешь Сальвадора Дали?

Дачная амнистия покачал головой.

– Который председатель в соседнем кооперативе?

Михалыч вздохнул:

– Эх, ты! Темнота!

– Какая темнота? – Удивился Дачная амнистия, и показал заскорузлым пальцем на светлеющую линию горизонта.

– Солнце, вон, всходит!

Действительно, начинался новый день.

АСТРОЛОГИЯ

Михалыч проснулся от дикого шума. Короткие отрывистые звуки, разные по длительности и тональности, раздирали ночную тишину.

Жалостливо завывали собаки. Летучая мышь потеряла ориентацию и шмякнулась об дерево. Ежик собрался на ночную охоту, но грязно выругался и опять вернулся в свою гору.

– И вострубил седьмой ангел! – Сказал Михалыч. – И сделались град и огонь...

Он сунул голову по подушку. Звуки уже не долетали, правда, голове стало жарко и душно. Михалыч выругался и встал с кровати.

– Выспитесь днем, паразит!... А ночью спать никому не дает!..

Затем встал и закрыл окна. Так было потише, хоть и ненамного.

Аналогично поступили остальные дачники. Захлопали оконные рамы, заскрипели ставни.

Только Вовчик ничего не сказал. Он лежал на траве навзничь, широко раскинув руки, и громко храпел. Услышав шум, приоткрыл глаза. Увидел над собой небо, очень этому удивился и опять заснул.

Дачная амнистия сидел на лавочке возле своего участка и играл на саксофоне. Хотя, если честно, слово «играл» не очень подходило к эзотерическому процессу извлечения звуков.

– Страдивари! – Торжественно объявил он. – Токката ре-минор!

Прислушался.

Никакой реакции от спящего дачного кооператива.

Прокашлялся и прокричал.

– А я говорю: токката ре-минор!!!

Опять тихо.

– Слышите: ре-минор!

Потом начал изо всех сил дуть в саксофон. Энтузиазма хватило ненадолго. Закружилась голова и в глазах замелькали светлые мушки.

Привел в порядок дыхание, прислушался.

Хоть бы кто проснулся!

Дачная амнистия посмотрел на часы.

– Проклятая бессонница! Это что же! Мне теперь одному так до рассвета и маяться?

Он отложил инструмент и пошел по улице. Подойдя к пожарной рынде, взял привязанный молоток и начал оглушительно по ней колотить.

Снова завывали собаки, в одном из домов зажглось одинокое окно и тут же погасло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.